

Лит. Газета - 1994 - 5 февр. с. 2

Nota bene!

“И все-таки узнают голос мой”

*“Реплики Ахматовой не пересказаны мною,
а воспроизведены слово в слово”.*

Лидия ЧУКОВСКАЯ

СКОРО год, как не стало Лидии Корнеевны Чуковской. Без нее заново открылся музей в опустевшем доме Чуковских в Переделкине, в петербургской “Неве” появился последний, третий том “Записок об Анне Ахматовой”, и, наконец, в Москве

в окончательном виде и в расширенном составе выпущен их первый том, а в ближайшее время обещаны и остальные.

Для тех, кто читал первый том в парижских изданиях 1976 или 1984 годов, в московском – 1989 года или в прошлогоднем харьковском, главной новостью будут печатающиеся впервые записи об Ахматовой (с ноября 1941 по декабрь 1942 года) из Ташкентских тетрадей Лидии Чуковской. Они занимают почти треть книги.

“Вспоминать Ташкент мне вредно, – записала Лидия Корнеевна в 1979 году. – Город предательств... После Ташкента я десять лет не видела АА; потом подружилась с нею снова и дружила до гроба, но не забывала о ее ташкентских поступках никогда. Простить можно, но *забыть* (то есть видеть человека прежним, до проступка) нельзя никак”. И прибавила в 1993-м: “Читала свои Ташкентские записки... Я думаю, что если бы я перечла эти строки в 52-м – я не вернулась бы к ней”.

Как и в самих “Записках”, в Ташкентских тетрадях звучит живой голос Ахматовой. Вот она вспоминает свой разговор с Мариной Цветаевой:

– Мы похожи?

– Нет, Анна Андреевна, совсем не похожи, даже не противоположны.

Или в шутку предлагает основать “общество людей, не говорящих худо о своих ближних”. Правда, об одной знакомой с раздражением говорит: “Не пускайте ее ко мне, она смотрит на меня глазами душеприказчика”. О другой – еще хлеще: “Это не женщина, а какая-то сточная труба”.

Первую запись об Анне Ахматовой Лидия Чуковская сделала еще в конце 1938 года – у обеих были арестованы близкие, и Лидия Корнеевна пришла к Ахматовой за советом. И понадобилось почти 60 лет, чтобы начатая этой записью работа подошла к завершению.

Предваряя книгу, Лидия Чуковская оговаривается: “Мои записи эпохи террора примечательны, между прочим, тем, что в них воспроизводятся полностью одни только сны. Реальность моему описанию не поддавалась; больше того – в дневнике я и не делала попыток ее описывать”. Да, прямого, развернутого осуждения режима в “Записках” нет. Но тугой воздух губительного времени наполняет их. Вот одна из первых ахматовских реплик: “19 сентября я ушла от Николая Николаевича. Мы шестнадцать лет прожили вместе. Но я даже не заметила на *этом* фоне”. Выделено единственное слово – и весь ужас жизни как на ладони.

Достоинства “Записок” очевидны. Без них уже невозможно представить в доверительной полноте ни облик Ахматовой, ни ее творчество. А сохраненная Чуковской речь Ахматовой стоит ее точной и скупой прозы. Кстати, в “Записках” нам открывается проза самой Лидии Чуковской: ее дневниковые записи обнаруживают бесспорный дар новеллиста.